

В глубинах преисподней царит абсолютная тишина — такая мертвая, что способна поглотить даже беззвучный крик души.

Время здесь утратило свой смысл, застыв многовековым, нетающим льдом, сковавшим звуки, свет и саму жизнь. Лишь бесчисленные призрачные камни, вкрапленные в купол и стены зала, излучали тусклый, холодный свет. Они походили на тысячи глаз мертвецов, едва очерчивавших контуры пустой, внушающей ужас обители и фигуру, восседавшую в ее конце — неподвижную, словно совершенное изваяние из нефрита.

Се Мовэй.

Когда-то он был бессмертным владыкой Сюаньлин. Одно его слово могло потрясти три мира, а его безупречный облик заставлял меркнуть звезды на небесах. Теперь же его белые одежды, хоть и оставались белее снега, утратили всякую легкость и чистоту. От него веяло лишь ледяным одиночеством, пропитавшим до мозга костей и слившимся с самой сутью преисподней. Он сидел на широком троне, высеченном из цельного куска адского холодного нефрита, с прямой, как сосна, спиной. Его взгляд был опущен и прикован к одной точке в пустоте. Длинные ресницы отбрасывали на бледные, почти прозрачные щеки две тонкие тени. Казалось, за тысячелетия заточения он воздвиг вокруг себя невидимый барьер, полностью отгородившись от внешнего мира — будь то шум или тишина, любовь или ненависть. Даже его дыхание было настолько слабым и едва уловимым, что он сам походил на прекрасную картину, забытую временем в этом месте — эстетически безупречную, но источающую тревожный дух смерти.

Скрип — едва слышный, но в этом месте прозвучавший оглушительно — нарушил тишину. Две тяжелые плиты из черного железа, способные, казалось, отделить мир живых от мира мертвых, бесшумно приоткрылись, пропуская внутрь лишь одного человека.

Стройная, высокая фигура, окутанная снаружи зловещей аурой призраков, бесшумно скользнула в зал и затворила за собой дверь, наглухо отрезая любые пути для нежелательных глаз.

Вошедшим был Мэй-ван, носивший имя Ду.

Нынешний владыка преисподней, повелитель реинкарнации, демон, чье имя приводило в трепет всех живых существ и заставляло умолкать плачущих детей. Сегодня он выглядел иначе. На его лице не было маски из черного железа, символизирующей абсолютную власть и отчужденность. Он явил миру свой лик — настолько совершенный, что мог бы вскружить голову любому. Однако сейчас в его чертах не было привычной ярости или насмешливого пренебрежения к миру. Лишь бездонная, почти поглощающая его самого усталость и... спокойствие, граничащее с принятием судьбы. Под этим спокойствием, казалось, догорели все накопленные за тысячелетия любовь, ненависть, наваждения и безумие, оставив лишь холодный, бледный пепел, готовый рассыпаться от одного прикосновения.

Его глубокий взгляд скользнул по пустому залу. Он взмахнул рукой, и безмолвным приказом

прогнал призрачных слуг, застывших в тенях подобно статуям. Те, словно получив помилование, не смея даже дышать, поклонились и поспешно, бесшумно исчезли, не оставив после себя ни следа.

В одно мгновение в самом сердце дворца остались только они двое.

Мэй-ван ступал крайне осторожно. Его шаги по зеркально гладкому полу из камней преисподней не издавали ни звука. Он шел к ледяному изваянию, уверенно, но каждый его шаг словно ступал по застывшему времени, вызывая невидимую рябь. Остановившись в трех шагах от Се Мовэя, он замер.

В отличие от бесчисленных раз до этого, он не стал смотреть свысока, не пытался давить своей мощью или провоцировать язвительными словами. Сегодня он просто стоял, глядя на опущенные веки своего учителя. Затем он совершил поступок, который, стань он известен, вызвал бы бурю во всех мирах: медленно подогнув колени, он опустился на пол в позе смиренного, почти благоговейного верующего.

На этой высоте он мог смотреть прямо в глаза Се Мовэю.

С этого ракурса он четче видел густые ресницы на опущенных веках и тонкие, бледные, плотно сжатые губы. Каждую черточку этого лица он когда-то боготворил, пуская в ход любые средства, сея хаос и кровь. Сначала он лишь хотел, чтобы эти глаза взглянули на него, позже — отчаянно жаждал увидеть хоть какую-то эмоцию, пусть даже глубокую ненависть.

Но теперь, спустя тысячу лет, в этих чертах осталась лишь пустота. Казалось, душа давно покинула это тело или погрузилась в бездну вечного сна, оставив лишь изысканную оболочку гнить здесь, в глубинах преисподней, вместе с ним.

Мэй-ван долго, бесконечно долго смотрел на него. Его взгляд, казалось, обрел плоть, скрупулезно вычерчивая контуры лица, впечатанные в его кости и душу, словно стремясь запечатлеть этот образ и эту мертвую атмосферу в глубинах своего собственного разрушающегося естества.

Наконец, он медленно поднял руку. Его длинные пальцы, на кончиках которых вилась слабая аура преисподней, сжали темный пурпурный нефритовый сосуд, от которого веяло древностью. Рядом стояли две чаши из того же материала.

Он откупорил сосуд нежно и торжественно. Вместо ожидаемого аромата вина в воздухе разлилось ощущение ледяной смерти, от которой застывала даже редкая духовная энергия. Этот холод был странным, неся в себе привкус конца всего сущего.

Он разлил напиток. Темно-пурпурная жидкость лилась в чаши, не создавая ни единой ряби. В свете призрачных камней она не отражала ничего, поглощая свет своей густой тьмой.

Одну чашу он поставил на низкий столик из холодного нефрита рядом с рукой Се Мовэя.

Вторую крепко сжал в своей руке, так что костяшки пальцев побелели.

Закончив, Мэй-ван снова устремил взгляд в пустые глаза Се Мовэя, словно пытаясь выудить из этой бездны хоть крупицу ответа, принадлежащего живому человеку.

Он заговорил, и его голос, хриплый от долгого молчания и полного истощения сил, прозвучал в мертвой тишине зала с пугающей четкостью:

— Учитель...

Он не помнил, когда в последний раз произносил это слово так официально, без тени насмешки. Сейчас оно отозвалось на языке странной горечью и новизной.

— Вся моя жизнь, — он запнулся, словно неуклюже подбирая слова, или же утопая в воспоминаниях о долгих, искаженных годах, — была борьбой за первенство, кознями и интригами. Я захватил три мира, полагая, что... держу всё под контролем...

— Но так и не смог... победить одно лишь «Се».

После этого признания, запоздавшего на тысячу лет, он не стал ждать ответа. Он знал лучше кого бы то ни было: ответа не будет.

Он поднял свою чашу, не отрывая взгляда от глаз Се Мовэя, словно совершая безмолвный обряд прощания. Не колеблясь, он опрокинул вино в себя.

Жидкость не обожгла горло, как обычный яд. Напротив, ледяной холод, способный заморозить самую суть души, мгновенно разлился по венам, поражая меридианы и внутренние органы. Его закаленная в боях душа начала трескаться, издавая едва слышный звук разрушения.

— Угх...

Его тело содрогнулось.

Однако, когда невыносимая боль, способная сломить любого могущественного воина, накрыла его, он внезапно улыбнулся. Эта улыбка на его бледных, окровавленных губах была печальной и прекрасной, полной извращенного облегчения, создавая жуткий контраст с его предсмертным состоянием.

Преодолевая боль, Мэй-ван подался вперед и, собрав последние остатки сил, обнял Се Мовэя, прижимая его к себе.

Он прижался окровавленной щекой к шее учителя, жадно впитывая его едва уловимый аромат. Его дыхание стало слабым, как у свечи на ветру, а слова обрывались из-за уходящей жизни, но он упрямо, по слогам, задал вопрос, терзавший его тысячу лет:

— Учитель... вы хоть немного... хоть раз... заботились о своем ученике?

Его голос был тихим, как шепот любовника, но тяжелым, словно нес на себе груз рушащегося мира.

Ответа не последовало. Возможно, с того момента, как он выпил вино Забвения, он и не надеялся его услышать.

В тот миг, когда сознание начало проваливаться в бесконечную тьму, он прошептал прямо в холодное ухо Се Мовэя свои последние слова — единственный подарок и одновременно последнее принуждение после целой жизни любви и ненависти:

— Учитель... это вино Забвения... я оставил вам...

— Если вы... считаете эти тысячи лет... лишь бременем...

— Выпейте его... оно разорвет узы прошлого... пусть вы временно лишитесь сил... но сможете... переродиться... обрести новую жизнь...

— Если же... вы не желаете...

— Тогда... прошу вас... похороните меня... своими руками.

Его руки, сжимавшие Се Мовэя, наконец ослабли и безжизненно упали. Его тело, лишившись опоры, бессильно сползло вниз и замерло, склонившись на холодные колени учителя.

Дыхание прервалось.

Глаза, что когда-то будоражили три мира, полные безумной страсти и одержимости, окончательно погасли, став пустыми и мертвыми. В этот миг они пугающе, до боли напоминали те самые глаза, которые он всю жизнь пытался согреть и в которых хотел увидеть хоть каплю отражения самого себя.

В зале воцарилась тишина, еще более глубокая и удушающая, чем прежде.

Лишь чаша с темно-пурпурным вином Забвения продолжала стоять на нефритовом столике, окутанная дурной аурой. Она походила на холодный, равнодушный глаз небесного закона,

наблюдающий за всем, что застыло в этом зале — за мертвым владыкой и за тем, кто казался «живым» узником.

Се Мовэй оставался в прежней позе, не шелохнувшись. Опущенные веки, словно тяжелые занавеси, скрывали все чувства, что могли бы в нем бурлить. На его бледном лице застыл вечный лед — ни единой эмоции, словно всё только что произошедшее: этот горячий отчаянный объятие, этот предсмертный вопрос, уход жизни и последний выбор — было лишь нелепым, чуждым сном.

Время в глубинах преисподней, казалось, вновь остановилось.

Однако...

Если бы кто-то мог сейчас пронзить эту несокрушимую ледяную оболочку и заглянуть в самые глубины его глаз, он, возможно, с ужасом заметил бы, что под этой вечно мертвой гладью озера внезапно возникло крохотное, едва уловимое колебание!

Словно невидимый камень, пробив толщу льда, упал в самую середину озера, вызвав маленькую, но настоящую рябь.

Его грудь, до этого дышавшая с пугающей, выверенной регулярностью, на одно мгновение... едва заметно дрогнула.

Пусть на миг, пусть это мгновение тут же попытался поглотить еще более густой холод и пустота, но это случилось на самом деле.

Он продолжал сидеть неподвижно.

А вино всё так же стояло рядом.

<http://bllate.org/book/18805/1828722>